

Едва забрезжил рассвет, они двинулись в путь. Пока термометр за бортом показывал сносные двадцать семь градусов, Тан Буфань спешил сесть за руль. В полдень кабина автодома превратится в раскалённую духовку, и его истощённое тело просто не выдержит этого пекла.

По дороге им то и дело попадались чахлые кусты кактусов и редкий сушняк. Лу И оказался на редкость деятельным парнем: он без лишних слов соскакивал на землю при каждой остановке. Сочные стебли кактусов шли в пищу, а сухие ветки — на растопку.

Срезая кактусы, Лу И ухитрился поймать песчанку. Он тут же притащил её в салон, сияя так, словно раздобыл бесценное сокровище. В огромной ладони юного зверолюда крошечный грызун казался совсем незаметным — наружу торчала лишь круглая мордочка с испуганными глазами-бусинами. Глядя на эту несчастную кроху, Тан Буфань с трудом подавил голодный спазм.

— На кухне есть гриль, — Тан Буфань, не видевший мяса почти два месяца, немедленно заглушил мотор и направился в жилой отсек.

Лу И с зажатой в кулаке песчанкой последовал за ним. Он молча наблюдал, как мужчина разгребаёт завалы хвороста в углу крохотной кухни, пока на свет не явилась ржавая, покрытая налётом решётка.

— Посидите лучше, я сам, — Лу И подошёл к разделочному столу.

Сняв с магнитного держателя на стене тяжёлый тесак, он прижал бьющуюся песчанку к доске и одним точным ударом отрубил ей голову. Воды на борту почти не оставалось, поэтому он просто вытер руки о серую от пыли ветошь и повернулся к хозяину машины.

Металлическая жаровня была прямоугольной, громоздкой и невероятно тяжёлой. Слабый, иссохший от голода Тан Буфань и впрямь вряд ли бы поднял её, поэтому он послушно отступил в сторону.

Братец Кай распахнул тяжёлую гермодверь жилого отсека. Лу И легко вынес жаровню наружу. Солнце уже поднялось высоко, и над крышей автодома с негромким жужжанием начали разворачиваться солнечные панели.

Их было четыре. В сложенном состоянии они покоились друг на друге, но теперь разъезжались в стороны, образуя широкий навес. Это не только увеличивало площадь поглощения света, но и создавало спасительную тень над фургоном.

Впрочем, даже четырёх огромных пластин едва хватало. Автодом весил слишком много, поглощая энергию с чудовищной скоростью, а изношенные фотоэлементы давно выработали свой ресурс. Движению можно было уделять от силы три часа в день. Тан Буфань строго следил за тем, чтобы к закату в батареях оставалось не менее двадцати процентов заряда — неприкосновенный запас на ночь.

Лу И набил жаровню сухими ветками и чиркнул зажигалкой. Тан Буфань выглянул наружу: безжалостный свет заливал пустыню расплавленным золотом, а воздух над горизонтом уже дрожал и шёл зыбкими волнами от поднимающегося жара. Выходить в это пекло не хотелось.

— Ты занимайся мясом, а я пока залатаю лобовое стекло, — бросил он через плечо.

— Хорошо, — послушно отозвался юноша.

Тан Буфань принялся копаться на полках с инструментами. Спустя пару минут он вернулся в кабину, неся рулон плотного брезента, ножницы и широкий скотч. Обрезав заплатку по размеру, он в несколько слоёв примотал её к раме чёрной изолентой, наспех закрыв дыру.

Он осторожно надавил пальцами на брезент.

"Хоть бы не песчаная буря. Такого ремонта она точно не выдержит"

Крошечная песчанка зажарилась моментально. Да и чему там было печься? Очищенная от шкуры и внутренностей тушка размером с ладонь весила от силы граммов сто — на два укуса.

— Держите, пока горячая, — Лу И поднялся по ступенькам в салон и протянул Тан Буфаню сочное, покрытое золотистой корочкой мясо. — А я пойду поймаю ещё парочку.

Тан Буфань посмотрел на него и тихо, но искренне произнёс:

— Спасибо.

Лу И просиял. Смущённо улыбнувшись, он развернулся и снова выскочил наружу.

Тяжёлая металлическая дверь захлопнулась. Тан Буфань опустил откидное сиденье и сел. Во рту невыносимо пересохло, но аромат жареного мяса кружил голову. Не в силах больше терпеть, он стянул с лица защитную чёрную повязку и жадно впился зубами в тушку.

Мясо песчанки оказалось на удивление нежным. Даже без соли и специй оно показалось Тан Буфаню изысканным деликатесом. Изголодавшееся тело жадно впитывало калории, и к слабому, ватному после долгой диеты организму начали возвращаться силы.

Раньше, бродя среди кактусов, он частенько замечал этих юрких зверьков. Но они были слишком быстрыми и при малейшей опасности мгновенно зарывались глубоко в песок. Изнурённый жарой Тан Буфань физически не мог перекапывать раскалённую до шестидесяти градусов землю под палящим солнцем. Максимум, на что его хватало — это лениво поковырять дюны лопатой после захода солнца.

Для Лу И же, обладавшего обострёнными рефлексами зверолода, охота была детской забавой. Одно движение сильной руки — и добыча поймана. Меньше секунды от броска до захвата.

Тан Буфань задумчиво посмотрел на брезентовую заплатку на лобовом стекле. Из кабины разглядеть пустыню больше не получалось.

"И всё-таки он удивительный"

— Сяо Тан, а парень-то неплох, — внезапно раздался в салоне мягкий мужской голос ИИ.

— Знаю, Братец Кай, — Тан Буфань с сожалением облизал деревянную шпажку, на которой осталась капля жира. — Но присмотреться к нему всё равно стоит. Понаблюдаем ещё.

— Ночью он вставал и следил за тобой. На всякий случай держи пистолет под подушкой.

Тан Буфань поднялся на ноги.

— Твоя правда.

Лу И не уходил далеко. Видимо, в глубине души он всё ещё опасался, что странный человек заведёт мотор и уедет без него. Заметив, что неповоротливый автодом стоит на прежнем месте, юноша незаметно облегчённо вздохнул.

На этот раз его добыча оказалась куда богаче: крупный заяц и ещё штук семь песчанок. Зверолод держал их за длинные голые хвосты, словно связку верёвок.

— Ого, сколько! — изумился Тан Буфань, втискиваясь вслед за ним в тесное пространство кухни.

— Да разве это много? — отозвался Лу И. Он уверенно орудовал ножом, отсекая головы грызунам и одним точным движением сдирая с них шкурки. — Вот сменим стоянку, я ещё больше наловлю.

— А ты умелец, — Тан Буфань заворожённо наблюдал за его точными движениями. Отношение к этому избалованному с виду юноше постепенно менялось. — Признаться, я думал, что такие, как ты, тяжелее ложки ничего в жизни не держали.

Первое впечатление не обмануло Тан Буфана: парень действительно выглядел как холёный наследник богатого семейства.

— Я скитаюсь по пустошам уже два месяца, — слегка смутившись от похвалы, пробормотал Лу

И. — К тому же в академии нас гоняли на полевую практику дважды в год.

Он предпочёл не уточнять, что во время этой практики курсанты выслеживали и уничтожали кровожадных мутантов и обезумевших токсичных людей.

— Тогда понятно, — Тан Буфань потянулся к выдавшему виды холодильнику. Его пальцы заметно дрожали от слабости, пока он укладывал очищенные тушки на полку. На обед им вполне хватит четырёх штук, остальное нужно сохранить.

Холодильник пустовал больше месяца и всё это время стоял отключённым ради экономии энергии.

— Братец Кай, запусти охлаждение в камере, — скомандовал Тан Буфань.

— Принято, Сяо Тан, — отозвался мягкий электронный мужской голос.

— Почему именно "Братец Кай"? — любопытствовал Лу И, не прерывая работы. В военных частях искусственному интеллекту не давали имён — его звали по серийному номеру техники. Да и само имя звучало для уха юноши непривычно.

Тан Буфань на секунду замялся, прежде чем ответить:

— Так звали моего коллегу, Чжао Кая. Его стол стоял прямо напротив моего. Я преподавал литературу, а он — математику. Поначалу я уважительно звал его "учитель Чжао", но он отмахнулся, мол, брось эти церемонии, зови просто "Сяо Чжао". Мне совесть не позволила, вот и сошлись на "Братце Кае".

На губах мужчины появилась тёплая грустная улыбка.

— Замечательный был человек, открытый, надёжный. Старше меня на пять лет... во всём помогал, когда я только пришёл в школу. Как старший брат. Я очень по нему скучаю.

Назвать бортовую систему именем погибшего друга было детской, наивной попыткой сбежать от одиночества. Ему отчаянно хотелось верить, что в этом бесконечном, полном опасностей путешествии по мёртвой земле с ним говорит не бездушная куча микросхем, а близкий человек.

Лу И уловил сквозящую в его голосе невыносимую тоску. Поколебавшись, он осторожно спросил:

— Он... нравился вам? Ну, в романтическом смысле?

Тан Буфань опешил. В следующую секунду его лицо потемнело, а голос сделался ледяным:

— Он был моим лучшим другом. Перестань совать свою пошлость во все щели.

Резкая вспышка гнева застала юношу врасплох.

Посмотрев на растерянного подростка, а затем на разделанные тушки на доске, Тан Буфань глубоко вздохнул и заставил себя успокоиться.

— Мне нравятся женщины. Я не из этих, — ровным тоном произнёс он, решив раз и навсегда расставить точки над "и", хотя и не думал, что этот молодой аристократ может на него позариться. — В прошлой жизни мне было плевать, кто с кем спит, я ко всем относился с уважением. Но после катастрофы... случилось то, что случилось. Теперь я подобные отношения на дух не переношу.

Лу И скользнул взглядом по серебряному кодовому ошейнику на шее мужчины. В его глазах мелькнуло понимание, а напряжение, сковывавшее плечи, бесследно исчезло.

— Простите, — мягко сказал он. — Просто в наше время встретить убеждённого гетеросексуала — большая редкость.

На поверхности женщины были на вес золота. Подземные города ревностно оберегали каждую и почти никогда не выпускали наружу — их репродуктивный потенциал считался слишком ценным ресурсом для выживания человечества.

— Ладно, забыли, — Тан Буфань окончательно остыл. Злиться на этого парня долго не получалось — уж слишком вежливым и покладистым тот был.

Лу И вернулся к разделке. Короткие рукава его майки открывали взгляду сильные, литые руки. Развитая мускулатура и безупречные пропорции тела делали его похожим на ожившую античную статую.

Внимание Тан Буфани привлек чёрный браслет на правом запястье юноши. Вещь выглядела изящно и дорого, хотя её крошечный дисплей оставался тёмным. Мужчина приметил эту деталь ещё вчера, но на фоне броских цепочек и серёг, которыми Лу И обвешался, словно заправский модник, простой чёрный ободок не бросался в глаза.

— Это твой личный ИИ? — поинтересовался Тан Буфань. Он краем уха слышал, что у высших звероловцев есть персональные ассистенты на ядерных батарейках, способные работать десятилетиями без подзарядки. Но главное — такие устройства могли подключаться к уцелевшим военным спутникам и обеспечивать прямую связь.

В глазах Лу И на мгновение промелькнуло беспокойство. Он торопливо прикрыл ладонью

запястье, пряча гаджет.

— Он... сломался, — глухо бросил он.

Тан Буфань лишь понимающе приподнял бровь, решив не лезть парню в душу.

На обед они приготовили зайчатину и три песчанки. Большая часть еды досталась Лу И. Тан Буфань осилил лишь пару крошечных заячьих ножек и отложил кусок — из-за затяжного недоедания его желудок сильно сжался, и он быстро насыщался даже мизерными порциями.

— Ничего, со временем аппетит вернётся, — подбодрил его Лу И. Глядя на иссохшего, укутанного в рваные чёрные тряпки мужчину, он искренне сочувствовал ему. — Пусть в мясе мутантов и полно токсинов, но если регулярно принимать антидоты, вы... обязательно пойдёте на поправку.

Он говорил мягко, щадя чувства собеседника, но Тан Буфань прекрасно всё понимал. Наземные антидоты — лишь временная отсрочка приговора. Поверхность планеты давно стала непригодной для человека, и без спасительного купола Подземного города любая терапия была не более чем иллюзией. Рано или поздно радиация и яд всё равно добьют его.

Автодом простоял под солнцем до трёх часов дня. Убрав дополнительные панели, они продолжили путь. Тан Буфань снова сел за руль, а Лу И устроился на пассажирском сиденье, подсказывая дорогу.

К шести часам вечера, когда тени начали удлиняться, они остановились на ночлег. Лу И привычно отправился на охоту и уже через полчаса вернулся с парой упитанных песчаных зайцев. Тан Буфань отыскивал в закромах щепотку серой соли, а юноша вновь вытащил на улицу тяжёлую жаровню.

Жара постепенно спадала. Взглянув на датчик температуры, показывавший тридцать девять градусов, Тан Буфань прихватил складные кресла и спустился на землю.

— Мне у углей сидеть некогда, да и жаром от них так и пышет. Отдохните лучше в стороне, — вежливо отказался от стула Лу И.

Тан Буфань не стал настаивать. Он отошёл на пару десятков шагов, разложил кресло и с удовольствием опустился на брезентовое сиденье, подставив лицо сухому вечернему ветру.

Небо на западе окрасилось в багровые тона. Облака, похожие на разлитую кровь, медленно закручивались в зловещие спиральные воронки. Тан Буфань всегда панически боялся этого зрелища. В те дни, когда он скитался в полном одиночестве, эти кровавые смерчи наводили на него ужас, заставляя верить, будто он заживо спустился в преисподнюю. Но сейчас, когда рядом находился живой человек, кошмар отступил, уступив место созерцательному покою.

Лу И сосредоточенно следил за мясом на решётке. Тан Буфань подставил лицо прохладному ветру и, чтобы хоть как-то разогнать тишину, завёл разговор:

— Ты ведь из Западной Федерации, верно?

В глубине разноцветных глаз юноши на миг промелькнула настороженность.

— Да, — коротко подтвердил он.

— Из какого города? — не унимался Тан Буфань. Насколько он помнил, Западная Федерация состояла из шести крупнейших мегаполисов.

Высшие кланы зверолов превратились в новую элиту постапокалиптического мира, и каждый из городов находился под полным контролем одной из шести великих семей. Раз уж Лу И принадлежал к этой касте, его отец наверняка занимал пост градоначальника или как минимум влиятельного военного командующего. Выше них стоял разве что Верховный Канцлер, правивший всей Федерацией.

— Я не планирую туда возвращаться, так что город не имеет значения, — мягко уклонился от ответа Лу И. Перевернув тушку, он перевёл взгляд на покачивающегося в кресле Тан Буфаня.
— А вы? Как давно скитаетесь на поверхности?

— Четыре года, — тихо вздохнул мужчина, устремив взгляд в угасающее небо.

Лу И удивлённо приподнял брови — срок оказался куда внушительнее, чем он предполагал.

— А прежние хозяева этой машины? — осторожно спросил он. — Когда вы... избавились от них?

— Два месяца назад, — отозвался Тан Буфань и тут же задал встречный вопрос: — Твоя мать... она ведь принадлежала к Фракции сопротивления?

Длинные ресницы юноши вздрогнули, а лицо мгновенно посуровело. Тан Буфань понял, что попал в самую точку.

Каждое лето карательные отряды зверолов брали в плен десятки мятежников из Фракции сопротивления, после чего женщин принудительно выдавали замуж за представителей новой элиты. Заботливое, почти трепетное отношение Лу И к обычному человеку легко объяснялось его происхождением.

— Да, — не стал отпираться Лу И, и его голос заметно упал. — Моя мать всем сердцем ненавидела зверолов. Отец взял её силой, против воли... Её жизнь превратилась в нескончаемый кошмар.

Он замолчал, уставившись на угли разноцветными глазами — золотым и зелёным. На его губах появилась сложная, едва заметная улыбка, полная горечи:

— Так что можете не переживать. Я никогда не стану запечатлевать вас или принуждать к чему-то. В мои планы женитьба вообще не входит.

Пока Тан Буфань терзался подозрениями и держал ухо востро, сам Лу И не меньше сомневался в намерениях своего спутника. Ему уже не раз доводилось сталкиваться с подобным: стоило проявить к рабам или пленным каплю искренней заботы, как те сразу же пытались завоевать его расположение и навязаться в супруги.

Тан Буфань встретился с ним взглядом, и напряжение между ними окончательно растаяло. Обоим сделалось смешно.

— И всё же ведёшь ты себя порой двусмысленно, — покачал головой мужчина. — Твои жесты легко истолковать превратно.

Он явно намекал на вчерашнюю сцену, когда юноша навалился на него всем телом.

— Я работаю над собой, — смутился Лу И. Запах Тан Буфани действовал на его инстинкты слишком сильно, и контролировать себя порой бывало трудно.

— И всё же ставить крест на личном счастье в твоём возрасте рановато, — заговорил Тан Буфань тоном умудрённого опытом старшего. — Жизнь долгая. Кто знает, быть может, ты ещё встретишь человека из Фракции сторонников звероловцев, который примет тебя таким, какой ты есть.

— Сомневаюсь, — Лу И равнодушно перевернул зайчатину. — В генах звероловцев нет ничего хорошего. А брак неизбежно ведёт к продолжению рода. Зачем обрекать детей на мучения в этом умирающем мире?

— Ну и ну, дитя... — Тан Буфань с недоумением воззрелся на подростка. — С виду такой жизнерадостный, открытый парень, а в душе — законченный пессимист.

Услышав обращение "дитя", Лу И забавно потянул носом и смерил собеседника оценивающим взглядом:

— А вам самому сколько лет, позвольте узнать?

— Двадцать семь.

— Всего-то на десять лет старше меня.

— Я всегда буду старше тебя на десять лет, — воспользовавшись неоспоримым преимуществом возраста, Тан Буфань шутливо пустился в нравоучения. — Не нужно смотреть на мир сквозь чёрные очки. Погляди на меня: сам одной ногой в могиле, выгляжу как чучело, а всё равно мечтаю вернуться домой и не опускаю руки. Тебе всего семнадцать, вся жизнь впереди. Будь оптимистичнее!

Лу И с усмешкой посмотрел на него:

— Вы меня воспитывать вздумали, учитель?

—... Не называй меня так, — проворчал Тан Буфань, уязвлённый тем, что его искренний душевный порыв подняли на смех.

Но Лу И и не думал смеяться. Он перевернул мясо на вертеле, погрузившись в воспоминания. Вчерашний разговор, настойчивые уговоры Тан Буфана вернуться к учёбе, тот старый холщовый портфель, который мужчина так бережно и поспешно прятал... Всё это пробуждало в душе юноши странное тепло.

— А знаете... Станьте моим учителем, — внезапно предложил Лу И. Его глаза загорелись неподдельным интересом. — Развлечений в пути всё равно никаких, а вы могли бы меня чему-нибудь научить.

Тан Буфань вздрогнул. Лицо его мгновенно окаменело.

— Нет, — отрезал он без малейших колебаний.

В его понимании он давным-давно лишился права называть себя педагогом. Воспоминания полоснули по живому, и он помрачнел, глубже забившись в кресло.

— Да бросьте, просто ради забавы, — настаивал Лу И, заглядывая ему в лицо своими удивительными разноцветными глазами. — Ну пожалуйста, учитель?

Юноша говорил так мягко и вкрадчиво, что в груди Тан Буфана что-то дрогнуло. Забытое, похороненное под слоем пепла обращение "учитель" отозвалось в сознании щемящей тоской. Тем не менее, поёрзав в кресле, он упрямо мотнул едва шевелящейся головой.

— Я уже забыл всё, чему меня учили в университете, — тихо, со сквозящим в голосе сожалением произнёс Тан Буфань. — Да и стаж у меня — всего один год перед самым апокалипсисом... Чему я могу тебя научить?

Лу И на секунду задумался, а затем предложил:

— Китайскому языку?

За двенадцать веков непрекращающихся войн и катаклизмов большинство древних языков стёрлись из памяти человечества. Сейчас на планете господствовало наречие, развившееся из старого английского — так называемый Всеобщий язык.

Тан Буфань оцепенел. Он так давно не слышал родную речь, что само упоминание о ней заставило его тусклые глаза вспыхнуть живым блеском. В точных науках он действительно сомневался, но в знании китайского ему не было равных. В конце концов, он преподавал словесность и целых семь лет посвятил искусству каллиграфии.

— К тому же Верховный лидер Восточной Федерации сейчас активно возрождает национальную культуру, да и в Подземном городе Восточного округа живёт полно этнических китайцев, — продолжал убеждать его Лу И. — Так что эти уроки мне точно пригодятся.

Тан Буфань всё ещё колебался, неуверенно потирая шею под ошейником:

— Мне нужно подумать...

— Вот и договорились! — Лу И лучезарно улыбнулся, пресекая любые попытки пойти на попятную. — Рассчитываю на вашу строгость, учитель Тан.

Тан Буфань невольно улыбнулся в ответ. Глядя на красивое, словно сошедшее с картины лицо юноши, он поудобнее устроился в кресле, подставляя лицо прохладному вечернему бризу. На душе впервые за долгое время стало по-настоящему тепло.

"Снова стать учителем... Что ж, почему бы и нет. Будет чем заняться перед смертью"

<http://bllate.org/book/19039/1911064>